

О.Ю. МАЛИНОВА

**ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ
ДНЯ: АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹**

В последние пять лет наблюдаются некоторые качественные изменения публичной активности экспертно-аналитических организаций в России, что, на наш взгляд, дает основание говорить об оформлении особых идеологических практик. Провозглашенный Д.А. Медведевым курс на модернизацию в силу неопределенности его интерпретации лидерами «тандема» не только создал запрос на экспертную проработку вариантов его реализации, но и определил тему для общественных дискуссий. Причем власть, по-видимому, была заинтересована в развитии таковых – разумеется, в определенных пределах, – ибо *обсуждение* с участием экспертов рассматривалось как *действие*, направленное если не на решение проблемы, то на легитимацию самой власти [см.: Малинова, 2012]. Это стимулировало ряд московских экспертных центров на организацию широких PR-кампаний вокруг своих аналитических продуктов. Результатом стало не только тиражирование ключевых идей подготовленных ими докладов средствами массовой информации, но и ситуация публичного «противостояния» экспертных позиций, которые порой интерпретировались журналистами в качестве отражения точек зрения действующих политиков. Пресса

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 13-03-00553а.

пестрила заголовками «Дуэль докладов», «Война круглых столов», «ИнОП против ИнСОРа» и т.п.

Разумеется, в медийном пересказе собственно исследовательская, аналитическая составляющая докладов подвергалась редукции, и на первый план выступали *идеологические аспекты* предлагаемых системных решений – их ценностно-символическая направленность, связь с конкретными субъектами политического действия и, главное, – их диалогическая соотнесенность с позициями других спикеров. Тем самым экспертные организации вольно или невольно становились игроками идейно-символического поля, вовлекаясь в борьбу за доминирование развиваемых ими способов интерпретации социальной реальности. Их включение в эту роль облегчалось слабостью позиций политических партий на этом поле [см.: Толпыгина, 2011]. Нельзя сказать, чтобы последние вовсе не участвовали в дискуссии о модернизации; однако их позиция была скорее реактивной, а интеллектуальное качество их предложений заметно уступало докладам, представленным непосредственно экспертными организациями [см.: Малинова, 2012, с. 57–60]. В результате в отдельные моменты дискуссии именно идеи, высказываемые экспертами, оказывались точками кристаллизации конкурирующих альтернатив. Пожалуй, наиболее ярким проявлением этой экспансии экспертных организаций в идеологическую «епархию» политических партий было «номинирование» Д.А. Медведева в качестве предпочтительного кандидата в президенты в докладе Института современного развития, опубликованном за три недели до объявления о «рокировке» внутри правящего «тандема»¹.

В этой статье мы попытаемся осмыслить наметившуюся тенденцию усиления идеологических функций в деятельности ряда экспертно-аналитических организаций, опираясь на существующие исследования российской публичной политики и идейно-

¹ Авторы доклада, указывая, что «реальный запуск модернизации» может осуществить «только лидер, обладающий... политической волей к двум разным, но взаимодополняющим вещам: решительным институциональным реформам и открытому диалогу, если потребуется – спору с обществом», прямо заявляли: «Видя в словах и делах Дмитрия Медведева именно такой модернизационный посыл, ИнСОР считает перспективным и многообещающим его выдвижение на второй срок» [2011 год... 2011].

символических практик, а также проследить ее развитие в контексте избирательного цикла 2011–2012 гг. и выработки нового политического курса.

Факторы идеологизации экспертного дискурса в современной России

Нельзя сказать, что экспертным центрам не свойственно участвовать в публичной конкуренции альтернативных проектов общественного развития, которые неизбежно имеют ценностную окраску. Напротив, в литературе, посвященной анализу такого рода организаций¹, публичная коммуникация рассматривается в качестве одной из их основных функций. Правда, ее реализация увязывается с наличием установки на «развитие открытой, публичной политики», которая присуща далеко не всем аналитическим центрам [Сунгуров, 2004, с. 60; Сунгуров и др., 2012, с. 100]. Считается, что развитие новых средств коммуникации создает дополнительные стимулы для развития этой функции: во многих странах «интеллектуальные сообщества “вбрасывают” вопросы в публичную дискуссию и выстраивают новые формы обратной связи с аудиторией, в том числе с конкретными адресными группами» [Аналитические сообщества... 2012, с. 33]. Следует отметить, что российские экспертно-аналитические центры – отнюдь не новички на идеологическом поле: разработка программ и политико-технологическое сопровождение избирательных кампаний, в ходе которых формальные пункты программных документов трансформируются в позиции кандидатов по конкретным вопросам, – это давно ими освоенные направления деятельности. Конечно, одно дело – вкладывать идеи в уста политических акторов, «просчитывая» их электоральный эффект, и другое – активно участвовать в формировании общественной повестки дня, не только создавая «медийные

¹ Для их обозначения существуют разные термины – «think tanks», «аналитические центры», «фабрики мысли», «мозговые тресты», «центры публичной политики», «экспертные или аналитические сообщества», «исследовательские центры» и др. Авторы недавней коллективной монографии предлагают использовать в качестве наиболее общего понятия для описания этого типа организаций в глобальном масштабе словосочетание «аналитические сообщества» [Аналитические сообщества... 2012, с. 16].

поводы», но и «занимая позицию» в публичном споре. Однако специфика исследуемой нами тенденции определяется не только этим. Как уже отмечалось, многие экспертные организации, в том числе и российские, стремятся участвовать в публичной коммуникации в качестве не только комментаторов, но и ньюсмейкеров. На наш взгляд, особая специфика такого участия в современном российском контексте определяется комбинацией нескольких факторов: сложившейся конфигурацией политического и медийного пространств, слабостью политических партий, а также динамикой установок власти и экспертных сообществ на взаимодействие.

С начала 2000-х годов власть демонстрировала заинтересованность в привлечении экспертов к обсуждению готовящихся решений, прежде всего – экономических, чем стимулировала предложение на рынке консалтинговых услуг и аналитических разработок. Некоторые из ныне активных организаций – Центр стратегических разработок (ЦСР), Институт общественного проектирования (ИноП), Институт современного развития (ИнСОР) и др., – были созданы при В.В. Путине и Д.А. Медведеве под конкретные задачи, связанные с разработкой и экспертным сопровождением правительственного курса. Участвовали в этом процессе и другие аналитические центры¹. Согласно версии, изложенной на сайте ЦСР, в период первого президентского срока Путина, когда шла работа над так называемой «программой Грефа» («Стратегией-2010»), практика взаимодействия власти и экспертного сообщества основывалась «на стремлении вести публичный диалог и сделать представителей общественности в широком смысле слова – от бизнеса до профсоюзов, от экспертов до работников некоммерческих организаций – стэйк-холдерами процесса разработки политики». Однако «примерно начиная с 2005 г. возможности для публичного экспертного диалога стали сужаться, а на стыке 2007 и 2008 гг. спрос властей на такой диалог по ключевым вопросам экономической политики практически иссяк» [О Центре]. Вместе с тем федеральная исполнительная власть прибегала к услугам многих организаций; в разные годы с ней активно сотрудничали Фонд эффективной политики (ФЭП), Центр политических технологий (ЦПТ),

¹ Попытка обобщения опыта деятельности российских «фабрик мысли», в том числе – и тех, о которых идет речь в данной статье, была недавно предпринята исследователями из НИУ-ВШЭ [см.: Сунгуров и др., 2012].

ИнОП, Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР), позже – ИнСОР и др.; эволюционировали и форматы взаимодействия¹. Очевидно, что президент и его администрация рассматривали экспертное сообщество в качестве не только поставщика аналитических продуктов, но и авторитетного агента публичной коммуникации.

В ситуации «тандема», когда власть оказалась представлена двумя лидерами, появились дополнительные стимулы для идеологической активности экспертных организаций. Хотя президент Медведев и премьер-министр Путин настойчиво твердили о «полном согласии», их публичные высказывания давали основание предполагать различия в понимании целей политического курса [Шестопад, 2011; Малинова, 2012]. В силу особенностей сложившейся властной конструкции такие различия не могли быть отчетливо артикулированы самими лидерами или поддерживающей их «Единой Россией». Эту функцию при благожелательной поддержке сверху взяли на себя экспертные структуры, аналитические продукты которых послужили «точками кристаллизации» конкурирующих подходов к модернизации. Прежде всего – ИнСОР и ИнОП (предполагалось, что за первой организацией «стоит» Д. Медведев, а за второй – В. Путин); однако в «войне круглых столов» участвовали и другие команды экспертов, в том числе и со своими докладами [Демократия... 2008; Ежегодный доклад ИнОП, 2009; Россия XXI века... 2010; Модернизация России... 2010 и др.].

Организованные экспертно-аналитическими центрами PR-кампании имели столь заметный идеологический эффект еще и в силу особенностей состояния политического и медийного поля. И то и другое в первые годы президентства В.В. Путина подверглось трансформации, обеспечившей переход от «полицентризма» 1990-х годов к «моноцентризму» [Зудин, 2003], что существенно сузило возможности для кристаллизации идеологических альтернатив [Идейно-символическое пространство... 2011, с. 274–283]. В этих условиях выступления спикеров, более или менее системно заявлявших такие альтернативы, должны были иметь заметный резонанс.

¹ Любопытные наблюдения о практике взаимодействия власти и экспертно-аналитических центров собраны журналистами издательского дома «Коммерсантъ» [см.: Сурначева, Габуев, 2012].

Эксперты, участвовавшие в подготовке докладов, несомненно видели в своей деятельности возможность повлиять на решение общественных проблем через политиков, которым были адресованы их рекомендации¹. Не случайно многие не скрывали разочарования, убеждаясь, что результаты не оправдали ожиданий. Вместе с тем сам процесс публичной дискуссии воспринимался как важное и полезное дело, в котором участники обретают некую политическую субъектность. Как выразился И. Юргенс, «Рубикон убежденности, что идеология разрабатывается только там, наверху, и это не наше дело, по-моему, сейчас преодолен» [Юргенс, 2010]. Отсюда – не только решимость «готовить альтернативные предложения и настаивать на их реализации», о которой сообщается на сайте ЦСР [О Центре], но и представление о том, что публичная экспертная дискуссия может рассматриваться в качестве одного из способов изменения ситуации. Именно так ставит вопрос экс-министр финансов, лидер созданного в апреле 2012 г. Комитета гражданских инициатив А.Л. Кудрин: «...мы хорошо помним, что в прошлом вполне разумные программы оставались на бумаге либо претворялись в жизнь, но не приносили ожидаемых результатов. В силу этого считаю, что сформулированные предложения по экономической политике на новом этапе следует рассматривать как основу для обязательной широкой общественной дискуссии» [Кудрин, 2012, с. 60]. Эти высказывания свидетельствуют о двойственности установок той части экспертного сообщества, которая с готовностью откликнулась на призыв к модернизации. С одной стороны, надежды на изменения связывались с властью и ее способностью реализовать предлагаемые программы. С другой же стороны, по мере разочарования в намерениях контрагента акцент все больше смещался в сторону собственно публичной деятельности – формирования общественного мнения в пользу необходимых реформ.

¹ Пример такой установки – эмоциональное заявление лидера ИнСОРа И. Юргенса: «Мы можем и должны сделать какую-то консенсусную программу модернизации, мы ее сделаем. Ты, президент, заявил о модернизации, найди в себе силы и волю, выдвигайся и реализовывай! А мы будем полностью и ответственно помогать» [Юргенс, 2010].

Роль экспертных центров в формировании общественной повестки дня: Оформление тренда

В контексте избирательной кампании 2011–2012 гг. эта активность приобрела новое качество: если обсуждение темы модернизации в 2009–2010 гг. было начато президентом Д. Медведевым, то теперь убежденные в необходимости реформ эксперты попытались взять на себя инициативу в определении общественной повестки. Первой ласточкой стал доклад ЦСР «Политический кризис в России и возможные механизмы его развития», опубликованный в марте 2011 г. Опираясь на данные социологических исследований, его авторы фиксировали «неожиданные» сдвиги в политическом сознании населения и констатировали, что «политический кризис в России уже идет полным ходом, хотя еще и не выплеснулся на поверхность политической жизни» [Белановский, Дмитриев, 2011].

Выводы этого документа очевидным образом контрастировали с основной идеей опубликованного несколькими неделями ранее доклада ИнОП, опровергавшего тезис о том, что «только немедленная демократизация социальной жизни решит все российские проблемы». По заверению авторов доклада иноповцев, не только реализация, но даже обсуждение этого тезиса приносит «вред», ибо «смещает общественную повестку дня от насущных проблем к ложному политическому выбору, ослабляя тем самым политические и общественные институты» [Оппозиции... 2011, с. 1].

Таким образом, мартовский доклад ЦСР не только поддержал линию ИнСОРа (которого авторы доклада ИнОП, видимо, и подразумевали в числе тех, кто навязывает «немедленную демократизацию» в качестве «основы государственной политики» [см., например: Липский, 2011]), но и подкрепил ее данными о наличии общественного запроса на перемены. Примечательно, что оппоненты из «Русского журнала» (сетевой проект Г. Павловского) тут же обвинили авторов доклада ЦСР в стремлении сочетать позиции экспертов и идеологов: «Они попеременно выступают то в роли ученых социологов и экономистов, то в роли представителей среднего класса, имеющих определенные причины для беспокойства в связи с нынешним положением дел в стране» [Мартынов, 2011]. При этом корреспондент «Русского журнала» безошибочно определил в анализируемом тексте признаки идеологического дискурса: Белановский и Дмитриев стремятся направить политический кри-

зис в эволюционное русло «плавной трансформации», и «эта наука плавности рассматривается авторами как *нечто аксиоматическое и в доказательствах не нуждающееся* (выделено мной. – О.М.)» [там же; ср.: Dijk, 1998, p. 263–277].

Как известно, прогноз ЦСР подтвердился – сентябрьское решение о «рокировке» в правящем «тандеме» и фальсификации при определении результатов декабрьских выборов в Государственную думу спровоцировали массовые протестные акции в Москве, Санкт-Петербурге и ряде крупных городов. Это обстоятельство еще больше подогрело общественный интерес к жанру экспертных докладов, и в последующие месяцы презентации аналитических продуктов различных центров стали регулярными новостными поводами.

После президентских выборов, в апреле 2012 г. на этом поле появился новый заказчик и одновременно участник – созданный по инициативе А.Л. Кудрина Комитет гражданских инициатив (КГИ), задуманный в качестве «объединения профессионалов, совокупный авторитет которых поможет донести гражданские инициативы до любого уровня власти» [О Комитете]. Комитет не только занимается подготовкой докладов и обзоров по актуальным вопросам общественной и политической жизни, но и систематически заказывает такого рода исследования другим экспертным организациям и социологическим центрам. Очевидно, что для самого Кудрина, федерального политика с огромным опытом и сложившейся репутацией, этот проект – хорошая форма «перезарядки батарей» перед возможным возвращением в «большую политику».

Вскоре после вступления В.В. Путина в должность президента в его администрации было принято решение вынести на аутсорсинг аналитическую работу, пополнив пул столичных экспертно-аналитических организаций новыми центрами, призванными проводить исследования и взаимодействовать с экспертным сообществом. Первоначально планировалось создать четыре новых центра, однако запустить удалось лишь два – Фонд развития гражданского общества (ФоРГО, председатель правления К. Костин, учрежден 4 июня 2012 г.) и Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ, председатель совета директоров Д.В. Бадковский, учрежден 8 июня 2012 г.) [см.: Костенко, 2012; Кашеварова, 2013].

Наконец, в сентябре 2012 г. в качестве «интеллектуальной альтернативы либеральному проекту» был создан Изборский клуб (председатель – А. Проханов). Одну из своих задач члены клуба видят в «создании и представлении власти и обществу России аналитических докладов, направленных на формирование обновленной патриотически ориентированной государственной политики во всех сферах национальной жизни» [Об Изборском клубе]. Таким образом, в начале нынешнего политического цикла к уже существующим экспертно-аналитическим структурам добавились новые, ориентированные на поддержку как правительственной¹, так и оппозиционной линии, причем как слева, так и справа.

В 2012–2013 гг. прореформистски настроенная часть экспертного сообщества активно использовала общественную трибуну, чтобы повлиять на определение курса вновь избранного президента В.В. Путина. Не углубляясь в содержательный анализ этого дискурса (он заслуживает самостоятельного исследования), мы попытаемся на нескольких примерах проиллюстрировать его *идеологические эффекты*. Таковые, на наш взгляд, возникают, во-первых, в результате перестановки акцентов и упрощения содержания аналитических текстов в медийном пересказе; во-вторых, в силу того, что публичные дискуссии экспертов очевидным образом отражают борьбу разных подходов к решению общественных проблем, за которыми стоят те или иные ценностные установки; в-третьих, за счет того, что идеи связываются с конкретными субъектами политического действия.

Вскоре после инаугурации В.В. Путина, в мае 2012 г. был опубликован доклад «Общество и власть в условиях политического кризиса», подготовленный ЦСР по заказу КГИ², в котором уточнялись перспективы развития ситуации после президентских выборов. В докладе утверждалось, что, несмотря на спад интереса

¹ Следует уточнить, что в рамках проправительственного лагеря сосуществуют разные подходы: здесь есть «реформисты» и «консерваторы». Поэтому было бы неверно рассматривать спектр позиций, артикулируемых экспертами, по принципу «двух лагерей».

² Это третий по счету «политический доклад» ЦСР. Второй – «Движущие силы и перспективы политической трансформации России» – опубликован в ноябре 2011 г. [см.: Движущие силы... 2011], накануне парламентских выборов. Четвертый доклад «Возможно ли новое электоральное равновесие» был представлен на заседании КГИ 11 июля 2013 г., когда дописывалась эта статья.

граждан к активным протестам, недовольство властью и запрос на перемены продолжают устойчиво нарастать. Причем запрос этот имеет прагматичный, неидеологизированный характер: требования недовольных сводятся, в основном, к исправлению ситуации в сфере образования, здравоохранения, ЖКХ, безопасности и правосудия. Согласно выводу авторов, политический «кризис приобрел необратимый характер» [Общество и власть... 2012, с. 4], и вне зависимости от того, какой из четырех описанных в докладе сценариев (политическая реакция, ускоренная модернизация, радикальная трансформация и инерционное развитие) окажется реализован, страну ждут «системные политические изменения» [там же, с. 97]. Хотя авторы доклада воздерживались от прямых рекомендаций, было очевидно, что их симпатии – на стороне второго сценария, предполагающего диалог «между сторонниками модернизации во власти и среди протестующих с целью формирования коалиции и частичной кооптации оппозиционных сторонников модернизации во власть», что «помогло бы сдержать эскалацию протестного насилия и сохранило бы перевес на стороне сил модернизации» [там же, с. 106]. Однако они честно признавали наличие факторов, препятствующих такому варианту развития событий.

В медийном пересказе доклад утратил нейтрально-констатирующую тональность. Он был представлен как «интеллектуальное давление на власть», подкрепляющее «уличные формы протестной активности» [Ваньков, 2012; ср.: Кудрин побаловал «Болотку»..., 2012]. Пресса изображала подготовленный по заказу Кудрина и КГИ доклад как «черную метку» вновь избранному президенту, подчеркивала вероятность негативных сценариев и намекала на политические амбиции экс-министра финансов [см.: Артемов, 2012; Граник, 2012; и др.]. Таким образом, имела место очевидная перестановка акцентов. Впрочем, и сами авторы доклада в общении с прессой не воздерживались от более определенных оценок описанных ими сценариев [Дмитриев, 2012].

Примечательно, что инициативы прореформистских аналитических центров побудили их оппонентов из пропутинского крыла экспертного сообщества определить «правильные» рамки деятельности такого рода. В статье, опубликованной в «Известиях» 10 мая 2012 г. (т.е. после инаугурации Путина, но до представления доклада ЦСР), руководитель научного совета Центра политической конъюнктуры России А.А. Чеснаков писал: «“На стороне”

писать спецплан лично для Путина нет особой необходимости – способность самостоятельно формулировать политические цели и механизмы их достижения он продемонстрировал в недавних статьях. На реализацию этих целей он получил полноценный мандат на общенародных выборах, и вряд ли большинство советов тут могут что-то радикально изменить. <...> Гораздо более эффективно было бы, опираясь на актуальные публичные дискуссии, определить перечень приоритетных задач, в которых заинтересовано само общество и без решения которых оно не признает позитивными результаты работы власти через шесть лет» [Чеснаков, 2012]. Другими словами, рекомендовалось советовать не власти, но обществу, у которого пока нет ясного понимания собственных потребностей.

Тем не менее Комитет гражданских инициатив оказался тверд в своем намерении «донести до власти» экспертную оценку общественных запросов. Первую годовщину своей деятельности Комитет отметил презентацией доклада «Власть – элиты – общество: Контуры нового общественного договора», подготовленного по его заказу Центром политических технологий. Доклад содержал анализ реакции общества на консервативные и либерализующие инициативы власти, а и по существу – критику осуществляемого политического курса. Авторы доказывали, что «консервативная волна», т.е. комплекс уже принятых или готовящихся мер, призванных представить власть в роли «главного хранителя традиций» и «гаранта справедливости», не достигает цели, ибо патерналистское и авторитарное большинство, на основе которого прежде строился «путинский консенсус», становится более сложным и разнородным. Вместе с тем стремление власти поддержать консервативные настроения «стратегически... входит в противоречие с... широким общественным запросом на демократизацию», выявленным в ходе проведенного исследования [Власть – элиты – общество... 2013]. Несмотря на то, что население не видит возможности влиять на ситуацию, а власть не хочет ни с кем заключать общественный договор, именно в этом направлении авторы доклада усматривали выход из возникшего тупика. Отвергая упреки в том, что сторонники либерализации политической жизни якобы «хотят “второй горбачёвской перестройки”, чреватой хаосом и распадом», они заявляли: «Мы верим, что еще не упущен момент начать реформы эволюционным путем и избежать столь страшных

сценариев» [Власть – элиты – общество... 2013]. Таким образом, в отличие от предыдущих докладов, ограничивавшихся описанием возможных сценариев, в апрельском докладе ЦПТ для КГИ была заявлена вполне определенная политическая и идеологическая позиция, оппонирующая актуальному правительственному курсу, и предлагалась конкретная программа действий («контуры нового общественного договора»). Доклад можно рассматривать в качестве развития той «либеральной, умеренной, призывающей к эволюционному, а не революционному развитию страны линии», на которой ранее настаивал И. Юргенс [Юргенс, 2012 b]. Таким образом, есть основания говорить об оформлении пула экспертных организаций, которые, компенсируя отсутствие сильной «правой партии»¹, публично артикулируют либерально-реформистскую повестку.

В то же время представители многих аналитических структур оказывают идеологическую поддержку «консервативному» курсу Путина и тем самым прямо или косвенно выступают против сторонников либерализации. Например, президент Фонда «Политика» В. Никонов, комментируя создание Общероссийского народного фронта, говорил о необходимости противостоять «силам сопротивления» курсу Путина – «активным и пассивным, сознательным и невольным». В числе «вероятных противников» Фронта он называл не только внешних врагов, но и «оппозицию, готовую вцепиться власти в глотку за любой ее шаг в сторону», а также «часть правительства, ориентированную исключительно на бухгалтерские показатели и уверенную в том, что государство должно уходить в тень, предоставив судьбу страны невидимым силам рынка» [Никонов, 2013]. Выступающему за изменение курса «меньшинству» противопоставляется проголосовавшее за Путина «большинство». Так, руководитель научного совета ЦПКР А. Чеснаков, рассуждая о необходимости «ликвидировать идеологическое противостояние» «двух России», представлял требования оппозиции как «идеологию социального неравенства, основанную на требо-

¹ Примечательно, что определение «либеральная» в этом контексте звучит редко, и, согласно данным, опубликованным Центризбиркомом, среди зарегистрированных политических партий, которые смогут принять участие в сентябрьских выборах в регионах, нет ни одной, в названии которой значилось бы это прилагательное. Либерально-демократическая партия России официально сменила название на «Партия ЛДПР» [см.: Корня, 2013].

вании наделить “активное меньшинство” особыми правами по сравнению с “пассивным большинством”». По мнению эксперта, «власти необходимо найти разумный компромисс между желающими немедленно стать хоть кем-нибудь и интересами тех, за счет кого они хотят этим кем-нибудь стать. Иначе это сделают другие» [Чеснаков, 2012]. Таким образом, достраивается картина идеологического противостояния: споры «политологов» представляются как отражение позиций путинского «подавляющего большинства» и «креативного меньшинства».

Вместе с тем имеет место и экспертная идеологическая поддержка «реформистской» составляющей официального курса. Например, подкрепляя линию на разделение социальных и гражданских функций организаций «третьего сектора», ФоРГО опубликовал в марте 2013 г. «Доклад о развитии институтов гражданского общества в России», в котором доказывалось, что «развитие “третьего сектора” невозможно без активного участия и поддержки со стороны государства», и в то же время утверждалось, что доля НКО, занятых контролем и экспертизой, в России существенно выше, а НКО, работающих «непосредственно в социально значимой сфере», – ниже, чем в других странах¹ [Доклад... 2013]. Из этого следует, что государственная помощь должна быть адресована преимущественно НКО второго типа. Разумеется, в либеральной прессе этот вывод доклада был подвергнут критике [см.: Никольский и др., 2013]. Однако, судя по волне проверок НКО со стороны прокуратуры и Минюста, возможен и более жесткий вариант развития событий. Как справедливо заметили журналисты «Ведомостей», благодаря этим действиям в роли враждебного «Другого» могут оказаться не только «иностранцы агенты» – «негативную коннотацию может получить и сам термин НКО» [Пропаганда недоверия, 2013]. На этом фоне доклад ФоРГО выглядит действительно куда более либеральным.

Наконец, свою лепту в «войну докладов» вносят и «социальные консерваторы» из Изборского клуба. В октябре 2012 г. его эксперты опубликовали свой первый доклад «Стратегия Большого рывка», в котором рассматриваются четыре сценария «временного

¹ Именно этот тезис в интервью К. Костина по поводу доклада сочли нужным акцентировать на сайте ФоРГО [ср.: Константин Костин о перекосе... 2013; Никольский и др., 2013].

или окончательного преодоления внутреннего системного кризиса», – «три плохих или очень плохих» и один «позитивный», связанный с «долгосрочной системной стратегией», которую можно осуществить «при соответствующем харизматическом лидере и ответственной элите». Предлагая стратегию «Большого рывка» в качестве «особого мобилизационного проекта», необходимого в условиях «вползания России в глобальную войну», авторы доклада уповают на «уникальный опыт форс-мажорного системного мобилизационного проектирования и осуществления мобилизационного проекта, каким обладает Россия как наследница Советского Союза». Этот проект предполагает модернизацию в условиях авторитарного режима, консолидированного на основе «общенациональной мобилизационной идеологии “общего дела”» [Стратегия Большого рывка, 2012].

Чтобы замкнуть спектр идеологических позиций, артикулируемых экспертами, нужно упомянуть, что у «либеральных реформистов» есть оппоненты не только справа, но и слева (правда, менее многочисленные). Так, ведущий научный сотрудник Московского центра Карнеги Л. Шевцова в «Новой газете» подвергла критике «влиятельных экспертов, публицистов, писателей и общественных деятелей», которые, «будучи антипутинистами и борцами с путинским Кремлем... поддерживают правила игры, которые должны обеспечить монополию на власть одной силы, которая, как они надеются, должна реформировать Россию». По мнению автора, тем самым «самодержавники-интеллектуалы» «затрудняют обсуждение того, что сейчас важно... как создавать альтернативу самодержавию» [Шевцова, 2013]. Таким образом, более решительные сторонники либеральной альтернативы считают правильным не возлагать надежды на нынешнюю власть и готовить программу для тех, кто придет ей на смену.

Заключение

Представленный выше анализ не претендует на полноту. Он относится к узкому, но весьма влиятельному сегменту экспертного сообщества, с которым благодаря СМИ слово «политологи» нередко ассоциируется в сознании обывателей. Именно применительно к этому сегменту, на наш взгляд, можно говорить о тенденции усиления идеологических функций. Последние не являются

чем-то специфическим для России: вступая в публичную коммуникацию, любые экспертные организации заявляют свои идеи в структурированном символическом пространстве, где имеют место борьба за власть и доминирование. А значит, их высказывания всегда имеют идеологическую составляющую. Однако вследствие скудости предложения внятно сформулированных политических альтернатив, слабости партий, сложившихся медийных практик и особенностей установок власти и экспертного сообщества на взаимодействие начиная с 2008 г. экспертные организации в России превращаются в ведущих игроков идейно-символического поля, способствуя его более четкому структурированию. Поскольку наличие более или менее ясного спектра альтернатив является условием публичной политики, данное обстоятельство следует оценить позитивно.

Проблема, однако, в том, что экспертные организации не могут в полной мере компенсировать недостаток активности других акторов идеологического поля, и прежде всего – политических партий. Они не только имеют ограниченные возможности влияния и зависят в реализации своих предложений от тех, кто наделен властью или участвует в борьбе за власть. Будучи зависимыми от конъюнктуры рынка консалтинговых услуг, они не всегда могут обеспечить последовательность своих политических установок, что является важным условием формирования идеологий. Яркий пример – ситуация, в которой оказался ИнСОР, когда его официальный патрон Д. Медведев, став премьер-министром и лидером «Единой России», заявил о своих симпатиях к консерватизму [см.: Юргенс, 2012 а]. Возможно, именно этим объясняется то, что, благожелательно попустительствуя публичной активности экспертных центров в 2008–2011 гг., власть не допускала создания сильной либеральной партии (по определению И. Юргенса, «как только кто-то пытается до конца создать правую партию, тут возникает много сознательно и грамотно организованных помех» [Юргенс, 2010]): экспертные организации могут артикулировать идеи, но они не борются за власть.

Вместе с тем гипертрофия идеологических функций вредит самим экспертным организациям: их общественный авторитет покоится на объективности научного знания. И хотя их публичный дискурс всегда имеет идеологическую составляющую, ее открытая демонстрация подрывает их символический капитал.

Судьбу описанной нами тенденции покажет время. Однако на сегодняшний день можно констатировать, что экспертные организации отчасти повинны в том, что, говоря словами бывшего заместителя начальника управления Администрации Президента Д. Бадовского, «впервые за долгие годы Кремлю приходится вести политику в условиях жесткой идеологической войны внутри страны» [Бадовский, 2013].

Литература

- 2011 год: «Нулевой цикл» следующего президента / ИНСОР. – М., 2011. – 4 сентября. – Режим доступа: <http://www.insor-russia.ru/ru/news/9610> (Дата посещения: 11.07.2013.)
- Аналитические сообщества в публичной политике: Глобальный феномен и российские практики / Н.Ю. Беляева (отв. ред.). – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2012. – 253 с.
- Артемов А. Четыре сценария для Путина. Его ждет самый неприятный // Аргументы и факты. – М., 2013. – 24 мая. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/politics/article/52314> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Бадовский Д. Явный советник вождя // Московский комсомолец. – М., 2013. – № 26175, 28 февраля. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/russia/interview/2013/02/27/819240-yavnyiy-sovetnik-vozhdy.html> (Дата посещения: 06.06.2013.)
- Белановский С., Дмитриев М. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития // Центр стратегических разработок. – М., 2011. – Режим доступа: <http://www.csr.ru/docs/category/51-2009-12-24-06-54-11?download=172%3A&lang=ru> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Ваньков В. Кудрин отправил Путину «черную метку» // КМ.ru. – М., 2012. – 24 мая. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/05/24/pravitelstvo-rossii/kudrin-otpravil-putinu-chernuyu-metku> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Власть – элиты – общество: Контуры нового общественного договора: Доклад Центра политических технологий по заказу Комитета гражданских инициатив. – М., 2013. – 4 апреля. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/analytics/478/#.UeEG6o3IZww> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Гликин М., Бирюкова Л. Мирный исход маловероятен // Ведомости. – М., 2012. – № 94 (3108), 24 мая. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/281359/mirnyj_ishod_maloveroyaten (Дата посещения: 24.05.2012.)
- Граник И. Алексею Кудрину создали политический кризис // Коммерсант. – М., 2012. – № 93 (4878), 25 мая. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1942180> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Движущие силы и перспективы политической трансформации России / С. Белановский, М. Дмитриев, С. Мисихина, Т. Омельчук. – М., 2011. – 77 с. –

- Режим доступа: <http://www.csr.ru/docs/category/8-?download=201%3A&lang=ru> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Демократия: Развитие российской модели / ИНСОР; Под общ. ред. И.Ю. Юргенса. – М.: Эконинформ, 2008. – 80 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/LowResDemocracy_Books_final.pdf (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Дмитриев М.* «Чтобы раскатать лодку, осталось уже немного»: Интервью президента Центра стратегических разработок // Новая газета. – М., 2012. – № 59, 30 мая. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/52832.html> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Доклад о развитии институтов гражданского общества в России: «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития / ИНСОР. – М., 2013. – 15 марта. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/20> (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Ежегодный доклад ИноП «Оценка состояния и перспектив политической системы России» / ИНОП. – М., 2009. – 2 апреля. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/page529/page484/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Зудин А.Ю.* Режим В. Путина: Контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – М., 2003. – № 2. – С. 67–83.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2011. – 285 с.
- Кашеварова А.* Кремль прикрывает неэффективные фонды // Известия. – М., 2013. – 28 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/547495> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Константин Костин о перекосе в развитии НКО в России: Из интервью газете «Ведомости». – М., 2013. – 18 марта. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/comment/view/96> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Корня А.* Без единства и либерализма // Ведомости. – М., 2013. – № 96 (3358), 4 июня. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/462631/bez_edinstva_iliberalizma#ixzz2VESgPlhc (Дата посещения: 04.06.2013.)
- Костенко Н.* Эксперты для своих // Ведомости. – М., 2012. – № 169 (3183), 7 сентября. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/306611/eksperty_dlya_svoih#ixzz25t5p6fGh (Дата посещения: 07.09.2013.)
- Кудрин А.Л.* Чего мы ждем от нового правительства? // Экономическая политика. – М., 2012. – № 2. – С. 59–72. – Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/policy/2012_2/kudrin.pdf (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Кудрин побаловал «Болотку» новым «докладом ЦСР» // Polit Online. – М., 2012. – 24 мая. – Режим доступа: <http://www.politonline.ru/comments/11013.html#> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Липский А.* Ни шагу из колен! // Новая газета. – М., 2011. – 15 февраля. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/7089.html> (Дата посещения: 06.07.2013.)
- Малинова О.Ю.* Еще один рывок? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации // Политическая наука / РАН. ИНИОН; Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел полит. науки. – М.,

2012. – № 2: Идеи модернизации в политической науке и политической практике. – С. 49–72.
- Мартынов К.* Наука плавности // Русский журнал. – М., 2011. – 30 марта. – Режим доступа: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Nauka-plavnosti> (Дата посещения: 11.07.2013.)
- Модернизация России как построение нового государства: Независимый экспертный доклад / Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. // АПН. – М., 2010. – 30 октября. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article/22100.htm> (Дата посещения: 27.12.2010.)
- Никольский А., Гликин М., Товкайло М.* Рука госпомощи // Ведомости. – М., 2013. – № 53 (3315), 28 марта. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/422861/ruka_gospomoschi (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Никонов В.* Фронт исторических оптимистов // Российская газета. – М., 2013. – 14 июня. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/06/14/nikonov.html> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Об Изборском клубе. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/opr/izborsk-c.php> (Дата посещения: 15.07.2013.)
- Общество и власть в условиях политического кризиса: Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив. – М., 2012. – 24 мая. – 116 с. – Режим доступа: <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- О Комитете // Комитет гражданских инициатив. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/about/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Оппозиции нашего времени: Доклад Института общественного проектирования о состоянии и перспективах политической системы России. – М., 2011. – 14 с. – Режим доступа: http://www.inop.ru/files/inop_doklad_2011.pdf (Дата посещения: 12.07.2013.)
- О Центре // Центр стратегических разработок. – Режим доступа: <http://www.csr.ru/about-center> (Дата посещения: 03.06.2013.)
- Пропаганда недоверия // Ведомости. – М., 2013. – № 115 (3377), 2 июля. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/480781/propaganda-nedoveriya#ixzz2YBmOOPXO> (Дата посещения: 02.07.2013.)
- Россия XXI века: образ желаемого завтра / ИНСОР. – М.: Экон-информ, 2010. – 66 с. – Режим доступа: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf (Дата посещения: 14.07.2013.)
- Стратегия Большого рынка: Доклад Изборского клуба. – 2012. – Октябрь. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/975/> (Дата посещения: 15.07.2013.)
- Сунгуров А.Ю.* Центры публичной политики: Возможные направления анализа деятельности и основные функции // Публичная политика – 2004 / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2004. – С. 59–65.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю.* Институты-медиаторы и их развитие в современной России: II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. – М., 2012. – № 4. – С. 99–116.

- Сурначева Е., Габуев А.* Кремлевские советологи // Власть. – М., 2012. – № 24 (978), 18 июня. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1958059> (Дата посещения: 26.06.2013.)
- Толтыгина О.А.* Партии как производители политических идей // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2011. – С. 190–210.
- Чеснаков А.* Шестью шесть // Известия. – М., 2012. – 10 мая. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/524018> (Дата посещения: 25.05.2012.)
- Шевцова Л.* С царем в голове // Новая газета. – М., 2013. – № 10, 30 января. – Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/politics/56477.html> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Шестопал Е.Б.* Политическая повестка дня российской власти и ее восприятие гражданами // Полис. – М., 2011. – № 2. – С. 8–24.
- Юргенс И.* «До каких пор мы должны быть Византией?»: Интервью директора ИнСОРа // Независимая газета. – М., 2010. – 16 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2010-03-16/9_yurgens.html (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Юргенс И.* «Визави с миром» // Радио «Голос России». – М, 2012 а. – 21 июля. – Режим доступа: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2227329/82716670/ (Дата посещения: 13.07.2013.)
- Юргенс И.* Счет в пользу консерваторов // Лента. ру. – М., 2012 б. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/11/19/jurgens/> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Dijk T.A. van.* Ideology: A multidisciplinary approach. – L.: Sage, 1998. – 365 p.